ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ОТНОШЕНИЕ К СВОЕМУ ГОРОДУ РУССКОЙ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ МОЛОДЕЖИ

Любовь ОСТАПЕНКО

Институт этнологии и антропологии РАН

Territorial identity and attitude to their town of the russian provincial youth

The article is based on materials from a study carried out by employees of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences in 2017–2019. The study was conducted among young people living in two small towns in Central Russia – Belev, Tula region and Staritsa, Tver region. The issues of local-territorial identity of young residents of the Russian province, their attitude to their native city and the local environment are analyzed. An analysis of the sociological survey data made it possible to conclude that at present, territorial identity and love for their city were characteristic of a considerable part of the provincial youth, but these indicators varied markedly. The prevalence of young people's orientations towards their city decreased in more developed, urbanized, open cities, with a rolling stock of the local population, wider contacts with the "outside world", a higher level of education, etc. In less urbanized cities, local-territorial identity and love for their city were more frequent. At the same time, local residents experienced less satisfaction with living conditions and showed more pronounced migration activity.

Keywords: youth, province, identity, loves for the homeland, migration.

Молодежная тематика всегда была и остается достаточно актуальной. Любому обществу небезразличны жизненные ориентации, стратегии, планы и интересы молодого поколения, в руках которого находится будущее. Особенно важно это в нынешнее сложное и противоречивое время, характеризующееся, с одной стороны, процессами глобализации, расширением информационного пространства, развитием возможностей перемещения между странами и регионами, а с другой – экономическим кризисом, обострением конфликтов, ростом напряженности, природными катаклизмами и т. п. В этих условиях немалый интерес представляет вопрос о том, на что в большей мере нацелена современная молодежь – на интеграцию в мировое сообщество, в общемировую культуру или на свою локальную среду.

Весьма значимую роль этот вопрос играет для жителей малых городов. От особенностей жизненной стратегии живущей в них молодежи в немалой мере зависит само существование подобных населенных пунктов. В России в последние десятилетия наблюдается тенденция к снижению численности населения малых городов, нарушению его демографической структуры, прежде всего, за счет активной миграции местной молодежи в более крупные городские агломерации (из-за проблем с получением образования, трудоустройством и оплатой труда, слабо развитых культурно-бытовой, медицинской и жилищно-коммунальной сфер и т. п.). По словам И. А. Субботиной, «массовый отъезд жителей за пределы города, особенно молодежи, в своем большинстве уже не возвращающейся обратно, „обезлюдение” малых городов создает множество социально-экономических и

этнокультурных проблем и воспринимается самими жителями малых городов особенно остро...» (Остапенко, Субботина 2019: 55). Экономический кризис, сложности перехода к рыночной экономике привели к тому, что немало таких городов, в том числе с богатым историческим прошлым, сохраняющих традиции русской культуры и этничности, приходят в упадок, стоят на грани вымирания.

В данной статье делается попытка изучения вопроса ориентированности современной провинциальной молодежи на свой родной город, свою локальную среду с учетом миграционных установок. Рассматривается уровень распространенности территориальной идентичности и позитивного отношения к своему городу среди молодых людей (от 16 до 30 лет) русской национальности, проживающих в двух малых городах (численность населения до 50 тысяч человек) Центральной России – Белеве Тульской области и Старице Тверской области. Исследование проводилось в 2017–2019 гг. сотрудниками Института этнологии и антропологии РАН в рамках проекта «Население малого русского города в XXI веке: этнокультурные, демографические, экологические и социально-экономические аспекты развития» (Григулевич, Дубова, Остапенко, Сабина, Субботина, Ямсков 2018: 9-10).

Социальная идентичность, к которой относится и территориальная, представляет собой результат осознания индивидом своей принадлежности к тем или иным социальным группам, которое формируется и развивается в условиях взаимодействия с другими людьми и может носить множественный характер. Ощущать себя частью того или иного сообщества, чувствовать общность с другими людьми, чрезвычайно важно для становления человеческой личности. Это необходимо для формирования у людей чувства солидарности, уверенности и защищенности, а также ответственности за свою группу, желания отстаивать ее интересы и общие цели.

С точки зрения укрепления Российского государства особое значение приобретает усиление чувства гражданской идентичности. Однако в последнее время исследователи все чаще фиксируют рост регионализации сознания россиян, роли территориального самосознания (Арутюнова 2017 и др.). Территориально-локальная идентичность в нынешних сложных условиях выступает важным ресурсом для удовлетворения людьми базовой потребности в психологической стабильности, в чувстве уверенности и защищенности.

Территориальная идентичность играет свою позитивную роль в процессе консолидации населения постсоветской России, но в то же время способствует определенному обособлению региональных групп людей, в особенности на фоне процесса усиления различий между регионами, идущего в России в последние годы.

Во время опроса жителям Белева и Старицы был задан вопрос о том, кем они себя ощущают в большей и меньшей степени. Было предложено определить свое отношение к нескольким типам идентичности, в том чис-

ле к гражданской (я – гражданин России), этнической (я – русский), территориальной (житель своей области), локальной (житель своего города), личностной (я – отдельная личность), общемировой (я – человек мира) и европейской (я – европеец).

Наиболее распространенными типами идентичностей среди жителей Белева и Старицы выступали этническая, территориальная и личностная, что в целом было свойственно и местной молодежи, но иерархия этих типов идентичностей у молодых людей была иной, причем взгляды молодых белевцев и молодых старичан имели существенные особенности.

У юношей и девушек Белева на первое место по числу выборов вышла локально-территориальная идентичность. Ощущали себя всегда или почти всегда жителями своего города более 60% респондентов. Среди людей среднего и особенно старшего возраста этот тип идентичности также котировался довольно высоко, но первое место у них занимала этническая идентичность. У молодежи этого города этническая идентичность находилась на втором месте, а на третьем – личностная.

Несколько иная картина наблюдалась у молодых жителей Старицы. Хотя старицкая молодежь, также как белевская, чаще всего выбирала три типа идентичностей – этническую, личностную и территориальную, последняя занимала у них уже не первое, а только третье место. Причем молодые люди чаще ощущали свою общность с жителями своей области, чем с жителями своего города. Ответ «я – житель своего города» прозвучал менее чем от 40% юношей и девушек Старицы, а 45% идентифицировали себя с жителями своей области. Локальный уровень территориальной идентичности в этом городе был более характерен для людей старшего возраста. Первые два места у молодых старичан почти с равным счетом заняли этническая и личностная идентичности.

Различия в самоопределении жителей Белева и Старицы определялись многими факторами, среди которых немаловажную роль играли особенности развития городов, состава их населения. Древний город Белев продолжает во многом оставаться традиционным и несколько консервативным городом русской провинции, каких не только в России, но и во многих других странах мира сохранилось еще немало. В известной мере это объясняется его географическим положением, удаленностью от крупных городских центров, слабым движением населения, более весомой численностью уроженцев, невысокими темпами социально-экономического развития, меньшей частотой и масштабностью контактов белевцев за пределами своего города. Все это способствует воспроизводству ориентаций местного населения на свое локальное окружение, традиционную культуру с коллективистским началом. Для его жителей, в том числе молодежи, характерна атмосфера особого эмоционального единения, ощущения общности со всем городским населением.

Старицу, находящуюся между двумя крупнейшими центрами – Москвой и Санкт-Петербургом, современные глобализационные процессы захватили сильнее, в ней шло активное миграционное движение, в составе мест-

ной молодежи была немалая доля студентов, в том числе из соседних городов и сел, уровень образования населения был выше. Этот город выглядел более открытым, более урбанизированным, а люди, обитающие в такой среде, чаще настроены на внешний мир, слабее подвержены влиянию локальной культуры, традиционным установкам, менее консервативны, ярче ощущают свою индивидуальность.

В качестве весьма выразительного примера можно привести московскую молодежь – молодых людей русской национальности, живущих в российской столице сравнительно давно. Отвечая на вопрос анкеты: «Кем Вы себя ощущаете в первую очередь?», молодые москвичи поставили (по числу выборов) локально-территориальную идентичность (я – москвич) лишь на четвертую позицию. Лидером же стал ответ: «просто отдельной личностью», второе и третье места заняли этническая и гражданская идентичности (Остапенко, Старченко, Субботина 2018: 96).

Общим признаком для всех исследуемых молодежных массивов оказалась весьма низкая котировка общемировой и особенно европейской идентичностей, которые были выбраны 10–15% респондентов. Тем не менее, и в этом отношении молодежь Старицы выглядела более современной, выбирая, например, ответ «я – человек мира» в полтора раза чаще белевцев. Но в целом нельзя не отметить, что представители российской провинциальной молодежи еще весьма далеки от интеграции в мировое или европейское сообщество. Русской провинции даже в лице своей молодежи еще чужды все шире распространяющиеся в Европе идеи всеобщей глобализации и либерализации, формирования космополитов, «людей мира и вселенной», живущих там, где им больше нравится без крепких родственных связей и т. п. Но в каких-то группах эти идеи уже находят своих сторонников, что видно на примере Старицы.

Вопросы территориальной идентичности молодежи непосредственным образом связаны с не менее важным для судьбы малых городов вопросом – об отношении молодых людей к своему городу. Несмотря на не слишком высокие социально-экономические показатели Белева и Старицы, далеко не самые привлекательные условия жизни, немалая часть их населения позитивно относится к своим городам, что в особенности характерно для Белева. Однако можно отметить, что в обоих городах молодежная когорта отличается наименьшей привязанностью к своему городу. Безусловно и безоговорочно любили свой город 57% белевцев (а среди молодежи 40%) и 38% старичан (среди молодежи 21%). Любили свои города, потому что здесь родились и выросли, но хотели бы жить в другом месте – 21% среди всего населения Белева (и 33% среди его молодых представителей) и 17% старичан (среди молодежи 18%). Как видно, разница в ответах белевцев и старичан и в этом случае проявилась достаточно рельефно, особенно среди молодых жителей этих городов. В Белеве доля молодых людей, так или иначе любящих свой город, оказалась почти вдвое выше, чем в Старице (соответственно, 73% против 39%). В то же время, как видно, в составе белевской молодежи солидную долю составляли те, кто любил свой город

только потому, что в нем родился, но жить предпочел бы в другом месте.

Хотя Старица по ряду жизненных показателей, уровню развития городской среды, степени материальной обеспеченности населения занимала более высокие позиции, чем Белев, эти количественные индикаторы оказались не главными при формировании у молодежи чувства любви к своему городу и общности с его населением. Более важную роль играли духовные составляющие, приверженность к своей малой родине, своей земле, единение с земляками и т. п.

В то же время нельзя не отметить, что любовь к своим городам, ощущение принадлежности к своей локальной среде не мешали молодым людям трезво оценивать условия жизни в месте проживания, а также свои жизненные перспективы. Доля в той или иной мере не удовлетворенных городскими условиями среди белевской молодежи оказалась выше, чем среди старицкой: соответственно, 44% белевцев и 36% старичан. Полностью довольными выглядели всего 2% белевцев против 14% старичан. Не удивительно, что в составе юношей и девушек Белева наблюдалась сравнительно солидная группа людей, любящих свой город, но пожелавших жить в другом (33% белевской молодежи против 18% старицкой).

Ориентации на миграцию, на переезд из своего города также были шире распространены среди молодых жителей Белева, особенно среди девушек, которые в то же время отличались наиболее позитивным отношением к своему городу. Не хотели уезжать из своего города 24% старичан и только 12% белевцев. Точно хотели бы уехать 45% и 53%, соответственно. Остальные еще не определились с решением.

Таким образом, можно сказать, что в настоящее время территориальная идентичность и любовь к своему городу остаются свойственными немалой части молодых жителей российской провинции. Но данные нашего исследования всего лишь по двум городам показали, что в этом вопросе нет полного единодушия. С одной стороны, резкие и интенсивные преобразования последних десятилетий вызвали у людей всплеск этнической и территориальной идентичностей, как бы защищающих их от внешних катаклизмов. С другой, – под влиянием процессов глобализации и либерализации, расширения информационного пространства – усилилась индивидуализация сознания, стал расти интерес к общемировой цивилизации. Уровень распространенности ориентаций молодых людей на свой город, местную среду снижался в более развитых, урбанизированных, открытых городах, с подвижным составом местного населения, более широкими контактами с «внешним миром» и т. п.

В менее урбанизированных городах у молодых людей локально-территориальная идентичность, привязанность к своему городу отмечались чаще. В то же время они испытывали меньшую удовлетворенность местными условиями жизни и проявляли более выраженную миграционную активность. Любовь к своему городу, краю, оставаясь важной составляющей духовно-нравственного мира человека, не мешала ему замечать в своем окружении те или иные недостатки и строить планы о переезде в поисках

лучших условий для достижения жизненного успеха. В этом отношении принципиально важен рост внимания руководства страны к вопросам развития малых городов, что может помочь сбережению их населения, в том числе за счет снижения молодежной миграции. Тенденция к возрождению малых городов, в том числе находящихся в довольно плачевном состоянии, но с локально ориентированным населением, достаточно реальна. Так, по данным нашего исследования, треть молодых респондентов Белева, говоря о будущем своего города, высказали мнение, что их город возродится и станет процветающим. В Старице – только четверть. В настоящее время для консолидации людей, укрепления мира и согласия в обществе особое значение, на наш взгляд имеет решение не только глобальных общегосударственных задач, но и чисто региональных, в том числе деятельность по улучшению ситуации на конкретных территориях, в селах и малых городах.

Литература

Арутюнова Е. М. Государственно-гражданская и этническая идентичности молодежи: общероссийский контекст и региональная специфика. В: Россия реформирующаяся. Вып. 15. Отв. ред. М. К. Горшков. Москва: Новый хронограф, 2017, с. 115-129.

Григулевич Н. И., Дубова Н. А., Остапенко Л. В., Сабина Д. С., Субботина И. А., Ямсков А. Н. Население малого города Центральной России в XXI веке. Первые результаты комплексного исследования в Белеве и Старице. Исследования по прикладной и неотложной этнологии, № 267. Москва: ИЭА РАН, 2018. 111 с.

Остапенко Л. В., Старченко Р. А., Субботина И. А. Русская молодежь Москвы. Полевая этностатистика. Москва: ИЭА РАН, 2018. 184 с.

Остапенко Л. В., Субботина И. А. Провинциальный русский город в начале XXI века. Москва: Старый сад, 2019. 290 с.

Любовь ОСТАПЕНКО, к.и.н., старший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Российская Федерация)

Email: Lost_82@bk.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9049-104X1>